

УДК 908

ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ АНТИКОВЕДЫ (М.С. КУТОРГА,
Д.Л. КРЮКОВ) И ИХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НАУКЕ

Елена Николаевна Мурзанаева,
кандидат исторических наук, доцент
Сочинский государственный университет
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская 26 а

Статья посвящена культурно-просветительской деятельности в науке двух первых антиковедов – М.С. Куторга и Д.Л. Крюкову в первой половине XIX века. Рассматривается их роль в становлении антиковедения в России, и роль этой науки в обществе и государстве.

Ключевые слова: античная гражданская община – полис, политеиа, антиковедение, греческая автаркия, историко-философский метод.

Формирующееся на крепкой почве античного источниковедения российское антиковедение старалось удовлетворить потребность общества в науке, в научных изысканиях. Общество с интересом следило за тем, чем занимались ученые, т.е., в свою очередь, печатали многочисленные статьи в различных популярных изданиях [1]. Особенно активизировалось изучение античной истории с открытием университетов в Дерпте (1802), Казани (1804), Харькове (1905), Петербурге (1819), Киеве (1834) и чтением в них курсов по всеобщей истории с разделами по древней, в частности, античной истории [2]. Изменения произошли также в связи с возвращением закончивших Профессорский институт в Дерпте и прошедших стажировку в Германии в Берлине молодых ученых Д.Л.Крюкова, М.С. Куторги, М.М. Лунина, М.И. Крылова [3]. Из этих молодых ученых самый большой вклад в развитие российского антиковедения внес Михаил Семенович Куторга (1809–1886) [4]. Ученый справедливо считается основоположником российской науки об античных обществах. Молодой ученый после возвращения из Германии приступил в 1835 году к работе на кафедре Петербургского университета (до 1868 года), с 1869 по 1874 год, до выхода в отставку, он был профессором Московского университета. Куторга, как историк – специалист по истории древней Греции, старался, прежде всего, понять особенности мышления самих древних греков, старался не вносить в историю древнего мира чуждых ему понятий нового времени, тем самым не допуская модернизации древнего общества. Его отличала корректность в отношении к историческим

источникам и интеллектуальная строгость, что принесло свои заслуженные научные плоды и по праву обеспечило ему место родоначальника российского антиковедения. Куторга взялся за решение самых неизученных в мировой науке проблем ранней истории Афин и, прежде всего, он обратился к проблеме образования Афинского государства, проблеме античной гражданской общины – полиса – «*civitas*» [5]. Обращение к этим теоретическим вопросам было важным для развития науки [6]. Но ученый обращался также к конкретным темам исторической науки, таким, как хронология греко-персидских войн, устанавливая ее на основе анализа сведений Фукидида, Плутарха, Диодора и других античных авторов.

Особое место в его научном творчестве занимают капитальное исследование «Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике», а так же обобщающие труды по истории афинского полиса, которые были изданы в посмертном Собрании сочинений М.С. Куторги (СПб., 1896) под названием «Афинская гражданская община по известиям эллинских историков» и «Афинская полития. Ее состав, свойство и всемирно-историческое значение». Много о Куторге, как историке, говорят его труды. Но он сам, находясь в отставке в своей усадьбе Борок, осмысливая перед смертью все сделанное им в науке, подвел итоги. Он писал к коллеге, византисту Г.С. Дестунису: «В своем постепенном и долговременном изучении истории Греции я дошел до вывода, что политеиа, т.е. гражданская община, была высшим государственным строем, до коего достигли древние эллинские республики; и что в этой политеии эллины выработали две идеи, составляющие их величие и неоспоримую собственность: идею свободы гражданина и идею свободы мысли. Эти две идеи и доставили эллинам всемирно-историческое значение, ибо они послужили основанием последующего успеха» [7]. Куторга на основе глубокого изучения «Афинской политии» Аристотеля впервые четко сформулировал главную идею политического и общественно-экономического устройства Греции, как политеиа. М.С. Куторга очень верно и глубоко понял глобальную идею мировоззрения эллина и мировоззренческую установку греческого полиса – идею свободы, которая была исходным началом греческой автаркии, считая, что благодаря свободе мысли родились греческие достижения в области культуры и науки. Российский ученый не просто описывал политическую, военную историю, а создал концепцию истории Греции. Это было понимание, прежде всего, обусловленности демократии и мировоззрения эллинов существованием полиса, как основы греческой жизни. В понимании роли свободы в истории Куторгой реализуются его либеральные, прогрессивные взгляды. Ученый писал о свободе мысли в России, в стране, в которой ее не было; он доказывал на примере ис-

тории, что «свобода мысли есть первое и самое главное условие, без которого наука не только не разрабатывается и не процветает, но и вообще не зарождается» [8].

Куторга очень эмоционально относился к античной истории. «Он выходил из себя, доказывая, что учитель истории должен в совершенстве знать греческий и латинский языки. Пусть в этом была своя доля правды, но способ, каким поддерживал это Куторга, сильно отзывал самолюбием и педантизмом. Он по-прежнему доказывал, что единственный историк в мире Фукидид, и что все новейшие историки, не исключая и Маколея, в сравнении с ним – дети. Такая парадоксальность, конечно, никого не могла убедить» [9], – писал А.В. Никитенко.

Говоря о М.С. Куторге, хотелось бы отметить еще одну важную особенность его научной деятельности – трудолюбие ученого, терпение, преданность науке, желание работать для нее и передавать свои знания молодым слушателям, увлечь их поиском истины. Профессор В.В. Бауер, один из первых учеников М.С. Куторги, писал: «Во взгляде его на требования университетского преподавания не было ничего общего с гимназическими взглядами и приемами его предшественников по кафедре. Источники и литература предмета с критической их оценкой не входили вовсе в их план: у Куторги составляли основу его чтения. Несовместимым с критической методой, им усвоенной, представлялось также и следование каким-либо учебникам, которыми они руководствовались: не останавливаясь на изложении общеизвестных фактах, он, вместо того, стал знакомить слушателей с различными господствующими и господствовавшими на них воззрениями, старался показать связь этих фактов с предшествующими и последующими явлениями, осветить их, разъяснить их значение и представить, таким образом, живую и ясную картину постепенного развития человеческого общества... с методом научных знаний, с требованиями научного исследования. Такое преподавание, при даре изложения, естественно привлекало слушателей и, возбуждая в них самостоятельность, располагало к самостоятельному занятию предметом» [10].

На лекциях ученого студенты учились самому главному – самостоятельности в исследовании материала и добротной методике научных исследований. Профессор умел подтолкнуть любознательность слушателей и направить их на путь поиска научной истины. Куторга, как ученый, высоко оценивал значение именно образованности в развитии человечества, и, как исследователь, считал кризисы в истории некоторых государств не следствием разнообразных причин экономического или политического характера, а результатом пренебрежения образованностью [11]. Это был далеко идущий вывод, касающийся-

ся и российского общества, в которое ученый всегда старался привнести свои глубокие знания. Это мнение основоположника российского антиковедения будет разрабатываться позднее другими учеными и реализуется в классическом образовании в гимназиях и лицеях России.

Потребность в знании истории и культуры античного мира, благодаря разнообразной научной и просветительской деятельности ученых, всегда будет ощущаться российским обществом. Куторга, как ученый-специалист, хорошо понимал особую духовность истории и культуры древней Греции, по его мнению, знание античной культуры должно обязательно входить в интеллектуальный багаж каждого образованного человека. Кроме того, он также подчеркивал особое значение эллинской цивилизации для русской культуры, ибо «ни одно начало не произвело на русскую народность такого сильного влияния и не проникло так глубоко, как начало эллинское» [12]. Он верил в прямую и тесную связь русской и античной культур. Куторга настороженно относился к расхожим мнениям, всегда стремился к самостоятельности в науке. Научные изыскания в области истории древней Греции продолжили ученики Куторги [13].

Большую роль в изучении истории древнего Рима, в преподавании античной истории в Московском университете, в становлении историографии всеобщей истории сыграл Дмитрий Львович Крюков (1809–1845) [14]. В 1837–1843 годах Д.Л. Крюков преподавал в Московском университете курс лекций по древней истории, пытался осмыслить путь, пройденный исторической наукой от возникновения исторических знаний до XIX века. Крюков, пройдя хорошую исследовательскую школу, отвергал художественное описание исторических событий без выводов и философских обобщений, в то же время он предостерегал от «мудрствования», лишённого опоры на реальные исторические факты. Для ученого наиболее приемлемым являлся, как он сам называл его, «историко-философский метод», основанный на анализе и освещении исторических фактов в их взаимовлиянии и взаимосвязи друг с другом. Исторический факт получал свое место в историческом процессе, факт, воссозданный на основе изучения источников, должен быть исследован, обобщен, осмыслен.

Крюков считал, что ученым необходимо совершенствовать методы изучения исторических источников, сам он был сторонником сравнительно-исторического метода Б.Г. Нибура, в то же время он отрицал складывающееся в германской науке гиперкритическое отношение к источникам и историческим фактам. Уже Д.Л. Крюков подчеркивал значение истории древнего мира для современности, трактуя это значение очень широко. Он считал, что история древнего мира – это необходимое звено в развитии человечества. Свое особое место,

по его мнению, занимала в истории древнего мира история древнего Рима. Он отмечал, что изучение истории древнего Рима является важнейшим моментом в процессе развития исторической науки, поскольку классическая древность была необходимым звеном в истории человечества, соединяющим историю Востока с периодом Нового времени. Без классической древности невозможно понять современность, – считал ученый.

Историк, говоря о познавательных возможностях исследователя, подчеркивал, что вопрос о том, кто являлся основателем города (имея в виду Рим), не имеет принципиального значения, так как для основания города Рима были более глубокие причины, нежели желания отдельных личностей.

Говоря о научных интересах Д.Л. Крюкова, как специалиста по истории древнего Рима, необходимо отметить, что ученого привлекало творчество римского историка Тацита. Творчество Тацита было предметом изучения в его докторской диссертации «*In Taciti Agricolam Observationes*» (1832). Она была издана в 1836 году как издание «Агриколы» Тацита с примечаниями. К анализу Тацита Крюков подходил с либеральных позиций, особенно ярко проявившихся в журнальной статье «О трагическом характере «Истории» Тацита», опубликованной в популярном журнале «Москвитянин» [15]. В это время общего напряжения в умонастроениях и осуждения самодержавия российское общество искало исторических аналогий, обличительного пафоса в сочинениях Тацита. Тацит, суровый обличитель деспотизма римских императоров, еще со времен декабристов особо интересовал передовых представителей русского общества. В обличительные слова Тацита русские деятели вкладывали свой смысл, свои идеи, ведь Тацит сумел показать «нравственный упадок», трагедию римского народа. Нравственность погибает в народе, когда ведут борьбу развращенные индивидуумы и чернь, которые уничтожают и народную нравственность и оскорбляют вечную правду [16].

Крюков обличал не только деспотизм императоров, но и жестокость черни, противостояние общества и власти, что привело, по его мнению, к трагедии римской истории, выразившейся в противостоянии друг другу «произвола индивидуумов» и «произвола черни» – этого «стоглавого чудовища».

Произволу «черни» Д.Л. Крюков придавал особое значение. «Чернь губит виновных не потому, что они нарушают правду и нравственность, за которую она вступается, а потому что произвол черни – это стоглавое чудовище, сильнее произвола индивидуумов. Этот народ, губящий виновных, и сам впадает в вину, ибо губит их несправедливым образом» [17].

Ученый говорил об опасности для общества нравственного падения народа. Крюков писал: «Нравственное падение народа римского отняло всякую цену у жизни государства. Не велика была честь называться римским гражданином, когда рабы и варвары, носившие и некогда римские цепи, надели римскую тогу» [18]. Стремясь понять античное общество глубже, как бы «изнутри», Д.Л.Крюков в научном исследовании «Мысли о первоначальном различии римских патрициев и плебеев в религиозном отношении» [19] обратился к изучению главного начала в античном человеке и обществе – их религиозности. Это была первая серьезная научная попытка проникнуть в мир религиозных представлений, и с помощью его интерпретаций объяснить происхождение патрициев и плебеев в Риме, решить одну из самых запутанных и сложных проблем древней истории Рима.

Историк, к чести российского ученого, взялся за решение научной проблемы мирового уровня, которую в германском антиковедении решал такой крупный ученый, как основоположник историко-критического метода Б.Г. Нибур. Наиболее резко в русской историографии подчеркивалась Д.Л. Крюковым религиозная обособленность патрициев и плебеев. Его взгляды послужили отправной точкой для создания оригинальной теории, согласно которой патриции и плебеи являлись потомками различных этнических слоев [20]. Крюков придавал первенствующее значение также различиям по общественному культу «Выражение «*quorum sacrorum sir*», употребленное Ливием, указывает различие не частных сакр (*private sacra*), но общественных (*Sacra publica*), т.е. на совершенное различие религии обеих партий» [21], писал ученый. Причем религиозные различия возводились Д.Л. Крюковым в принцип, определяющий общественное и политическое различие. «Само политическое равенство, – по его словам, – стало возможным через совершенное уравнивание в религии» [22]. Именно религия явилась основным отличительным признаком, по которому формировались сословия патрициев и плебеев, считал Крюков. Понимая под названием квиритов только патрициев [23], Д.Л. Крюков писал: «Уж одно то, что все квиритское в Риме исходило не от одного отдельного племени, но было общим достоянием многих и различных племен, связанных между собой религиозным родством, заставляет нас думать, что имя квиритов обнимало ни один народ, но что все племена, исповедовавшие эту особенную религию, которую мы называем квиритскою, были квиритами в обширном смысле» [24].

Против различия патрициев и плебеев по религиозному культу выступал Дмитрий Иванович Азаревич (1848–1920) [25]. Он опирался на изложенную Ливием речь знаменитого плебея Деция Муса. В этой речи Д.И. Азаревич обратил внимание на тот факт, что патриции и

плебеи почитают одних и тех же богов, только частным образом [26]. Не решена эта проблема была и позднее, в современной науке. Выводы Д.Л. Крюкова о большой религиозной обособленности патрициев и плебеев получили признание в науке [27].

К сожалению, из-за ранней смерти ученого его исследование осталось незаконченным, но в российской науке об античности начала складываться традиция, братья за решение самых трудных антиковедческих проблем, не повторять «зады» за европейскими учеными. Российские антиковеды учились соединять в исторической ретроспективе опыт человечества, жизнь людей в единое целое на основе общечеловеческих моральных ценностей. Наука стремилась помочь обществу в решении его нравственных, образовательных и воспитательных проблем, привнести в общество не просто нормативные знания, а настоящие знания о подлинном античном мире.

Примечания:

1. Черевин П.Д. Замечание на статью «О торговле древних и новых народов», напечатанную в 46–52 книжках «Сына отечества». СПб., 1823; Он же. О деньгах // Вестник Европы. 1824. № 4. С.253–270; Он же. О состоянии римлян при Антонинах // Вестник Европы. 1824. № 5. С. 10–18; 56–60; Мартос А. Сравнение торговли древнего и нового мира // Сын отечества. 1818. Ч.48. С.158–175; Рихтер А.Ф. Сибариты // Труды общества любителей российской словесности. 1822. Ч.12. С. 33–51; Арсеньев К.М. О колониях древних народов и политике управления оными // Сын отечества. 1821. №34. Ч.70. С.259–271.

2. См. об этом подробно: Фролов Э.Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967. С.114–118.

3. См.: там же. С.121–123.

4. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и Дерптского профессорского института. Находился в заграничной командировке в Париже, Гейдельберге, Мюнхене, Берлине. Три раза посетил Грецию. Магистр (1832). Доктор философии (1838). Ординарный профессор Санкт-Петербургского университета (1844). Ординарный профессор Московского университета (1869–1874).

5. Она была поставлена в работах Фюстель де Куланжа. Новейшая наука об античности насчитывает множество трудов, посвященных этой теме. Свой вклад в ее разработку внесла и отечественная историография: до революции, прежде всего М.С. Куторга, а позднее М.И. Ростовцев, в последующее время С.Л. Утченко, К.М. Колобова и др. Сейчас вопрос проблемы полиса считается решенным.

6. К работам Куторги обращались такие ученые как В. Ваксмут, К.Ф. Герман, Дж. Грот.

7. Куторга М.С. Собрание сочинений. Т.1. СПб, 1894. С. VII.

8. Куторга М.С. О науке и ее значении в государстве. М., 1873. С.21.

9. Никитенко А.В. Дневники: В 3-х т. Т.2: 1858–1865/ Под общ. ред. Н.Л. Бродского и др. М., 1955. С.83.

10. О Куторге см. записку В.В. Бауера в кн.: «Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования». С.215.
11. Куторга М.С. О науке и ее значении в государстве // Русский вестник. 1873. Т.104. С. 30–37, 44–50.
12. Куторга м.С. Собрание сочинения. Т.1. С. VII.
13. Ведров В. Жизнь афинского олигарха Крития. СПб., 1848; Он же. Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз(с мая 415 до сентября 413 года до Р.Х.). СПб., 1857; Стасюлевич М. Афинская игемония. СПб., 1849; Он же. Ликург Афинский. СПб., 1851; Он же. Защита Кимонова мира. СПб., 1852; Астафьев Н. Македонская игемония и ее приверженцы. СПб.,1856; Бауер В. Афинская игемония. СПб., 1858; Он же. Эпоха древней тирании в Греции. СПб., 1863; Люперольский П. Храмовый город Дельфы с оракулом Аполлон Пифийского в древней Греции. Спб., 1869.
14. Окончил историко-филологический факультет Казанского университета (1824). Окончил Профессорский институт в Дерпте (1828), где учился у Моргенштерна, Франке, Нейе. Доктор философии (1833). Находился в заграничной командировке (1835) во время которой слушал лекции А. Бёка в Берлинском университете. Экстраординарный профессор Московского университета (1835).
15. Крюков Д.Л. О трагическом характере «Истории» Тацита// Москвитянин. 1841. Ч.2. №3.
16. Там же. С. 124–125.
17. Там же. С. 125.
18. Там же. С. 122.
19. Этот труд Крюкова был опубликован сначала на немецком языке, а затем в популярном журнале, созданном П.М. Леонтьевым «Пропилеи» (М., 1854. С. 1-80).
20. Фролов Э.Д. Русская историография античности. Указ. соч. С.123.
21. Крюков Д.Л. Мысли о первоначальном различии римских патрициев и плебеев //Пропилеи. Кн. IV. М., 1854. С.3.
22. Там же. С.3.
23. Пожалуй, одним из самых ярких свидетельств источников о том, что квиритами назывались и плебеи, служит рассказ Дионисия о первой сессии плебеев. Обращенные квириты неоднократно встречаются в речи Агриппы на переговорах с плебеями. Об употреблении названия квириты, общего для патрициев и плебеев, более подробно см.: Нечай Ф.М. Образование римского государства. М., 1972. С.72.
24. Крюков Д.Л. Мысли о первоначальном различии римских патрициев и плебеев. Указ. соч. С.47.
25. Сын профессора. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1870). Магистр римского права (1872), доктор гражданского права (1877). Находился в заграничной научной командировке (1873). Ординарный профессор Новороссийского университета (1882). Ординарный профессор Варшавского университета (1887). Ординарный профессор римского и гражданского права Ярославского лицея.
26. Азаревич Д.И. Патриции и плебеи в Риме: Историко-юридическое исследование. В 2-х т., Т.2. СПб., 1875. С. 96.

27. О значении выводов Крюкова см.: Ковалев С.И. Проблема происхождения патрициев и плебеев// Тр. юбил. науч. сессии ЛГУ. Сектор истор. наук. Л., 1948. С.219–230.

UDC

FIRST RUSSIAN ANTIQUE THEORISTS (M.S. KUTORGA,
D.L. KRYUKOV) AND THEIR CULTURAL-EDUCATIONAL
ACTIVITIES IN SCIENCE

Elena N. Murzanaeva,
PhD (History) Assistant Professor
Sochi State University
26a Sovetskaya Str., Sochi city, 354000, Krasnodar Region, Russia

The article deals with cultural-educational activities of first two antique theorists – M.S. Kutorga and D.L. Kryukov in the first half of the XIX century, considers their role in antique science formation in Russia and the role of this science for the society and the country.

Keywords: ancient civil community – polis, politeia, antique science, Greek autarchy, historic-philosophic method.